

1915 годъ. **ТАМБОВСКІЯ** годъ **LV.**

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 50-й 12 Декабря

♦ ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ. ♦

Св. равноапостольный князь Владиміръ *).

(Къ 900-лѣтію со дня его кончины (1015 г.—15 іюля—1915 г.).

15-го іюля текущаго года исполнилось ровно 900 лѣтъ со дня блаженной кончины св. равноапостольнаго кн. Владиміра, крестителя и просвѣтителя Руси. Самою естественною, хотя и поздною, нашею школьною данью столь знаменательной годовщинѣ будетъ—возстановить въ нашей памяти величавый образъ этого перваго русскаго христіанскаго Государя.

Кн. Владиміръ былъ пятымъ княземъ земли Русской, считая въ томъ числѣ и бабку его, св. княгиню Ольгу, правившую страню въ малолѣтство сына своего Святослава. Онъ былъ правнукомъ Рюрика, перваго князя русскаго изъ варяговъ, и третьимъ, младшимъ, сыномъ воинственнаго князя Святослава. Матерью его была Малуша, сестра воеводы Добрыни, служившая ключницей у княгини Ольги. Родился Владиміръ около 958 или 959 года. Точно годъ и мѣсто рожденія его неизвѣстны. Отправляясь въ свой послѣдній походъ противъ Дунайскихъ болгаръ, Святославъ (въ 970 г.) подѣлилъ свои владѣнія между тремя своими юными сыновьями: старшій, Ярополкъ, получилъ въ удѣлъ Кіевъ, второй, Олегъ, Древлянскую землю (на западъ отъ Кіевской) и третій, Владиміръ,—

*) Рѣчь, произнесенная къ воспитанникамъ Тамбовской Духовной Семинаріи 1 декабря 1915 г.

Новгородъ. Вскорѣ послѣ смерти отца (въ 972 г.) между братьями произошелъ раздоръ. Ярополкъ началъ войну противъ Олега, окончившуюся гибелью послѣдняго. Владиміръ, опасаясь его участи, бѣжалъ за море, къ варягамъ, набралъ тамъ себѣ дружинниковъ и, присоединивъ ихъ къ своей новгородской рати, пошелъ на Кіевъ. На пути онъ овладѣлъ Полоцкимъ княжествомъ, князя его Роговолода съ двумя сыновьями убилъ, а дочь его Рогнѣду принудилъ выйти за себя замужъ. Изъ Полоцка Владиміръ двинулся къ Кіеву на Ярополка, который и погибъ въ этой войнѣ, а Владиміръ овладѣлъ Кіевомъ и сдѣлался единодержавнымъ княземъ Руси (въ юнѣ мѣсяцѣ 978 г.).

Задачею своего правленія новый князь Кіевскій поставилъ три главнѣйшихъ дѣла: 1) собрать подъ своею властью всѣ отцовскія владѣнія, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напр. княжество Полоцкое и др., за время почти постояннаго отсутствія Святослава по его военнымъ дѣламъ и въ годы правленія его малолѣтнихъ дѣтей успѣли отпасть отъ Кіева, 2) обезопасить свою землю отъ внѣшнихъ враговъ, главнымъ образомъ отъ печенѣговъ, и 3) скрѣпить ея разнородныя и разноплеменные части, поднять культурное состояніе народа и упрочить внутренній порядокъ. Выполненію этой сложной задачи было посвящено 37—лѣтнее княженіе Владиміра.

Кн. Владиміръ представлялъ собою совершенную противоположность своему отцу. Святославъ былъ образцомъ блестящаго воина-рыцаря и въ тоже время очень плохого правителя своей страны,—Владиміръ долженъ быть признанъ по-преимуществу государемъ-собирателемъ и строителемъ земли въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Правда, и онъ велъ очень много войнъ, но война для войны не имѣла для него смысла, и всѣ войны велись имъ исключительно для цѣлей государственныхъ, для необходимаго расширенія или охраненія предѣловъ государства. И народныя былины, запомнивъ веселые пиры—столованія ласковаго князя Владиміра, изображаютъ его обыкновенно только радушнымъ хозяиномъ, а не героемъ, но вокругъ него собираются всѣ богатыри его времени, пируютъ въ его грядницѣ, похваляются тамъ своими

и замышляютъ свои новыя походы. Изъ вѣщанъ Владиміръ воевалъ съ ляхами, отъ которыхъ заняты ими города Червонной Руси,—что нынѣ съ дикимъ литовскимъ племенемъ ятвяговъ, которыхъ лѣсовъ и болотъ (гдѣ нынѣ г. г. Вильна и Ковна) разбойническіе набѣги на сосѣднія русскія поселеніями и Дунайскими болгарами, съ русскими даночниками. Особенно напряженную борьбу пришлось вести дикими кочевниками—печенѣгами, частые набѣги представляли постоянную угрозу южной окраинѣ

разъ въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ увлекается за предѣлы благоразумія, подчиняется, который онъ не въ состояніи былъ держать самостоятельно.—онъ сознается въ этомъ и спѣшитъ оставить покоемъ: предпринявъ въ 985 году бесполезный Дунайскихъ болгаръ и одержавъ бесполезную надъ, онъ спѣшитъ заключить съ ними миръ и удалиться своими совѣтниками, что «симъ дани ему не дана на Царьградъ послѣ Олега и Игоря сталъ для своихъ своего рода традиціоннымъ средствомъ достиженья славы; но мы видимъ, что Владиміръ не имѣвшей охоты предпринять этотъ славный, но бесполезный, хотя войско и флотъ его и были однажды, будучи призваны на помощь греческимъ императоромъ, какъ объ этомъ будемъ говорить далѣе.

войнѣ, предпринятыхъ исключительно въ видахъ государственной, Владиміръ былъ занятъ тѣмъ, что составлялъ тогда главнѣйшую заботу и заботу государя,—именно *нарубаніемъ* (строеніемъ) и заботу о дальнихъ околицѣхъ столицы и думами о внутреннемъ благоустройствѣ своего государства.—кратко отмѣчаетъ лѣтописецъ.—Володимѣръ о земленѣмъ и о уставѣ земленѣмъ». Свои заботы рода снѣ проявилъ тотчасъ же по своемъ вокняженіи далѣе пришлымъ съ нимъ варягамъ братья и важнѣйшій сборъ съ жителей Кіева, какъ съ завое-

ванныхъ ими, варягами. Немногихъ, но лучшихъ варяговъ онъ привлекъ на свою службу и разсѣлалъ по разнымъ городамъ, а прочихъ выслалъ вонъ изъ

Озабочиваясь защитой границы своихъ владѣній отъ печенѣжскихъ набѣговъ, Владиміръ строилъ линіи города и возводилъ различныя укрѣпленія — бѣгища и заселялъ южныя окраины людьми изъ разныхъ русскихъ.

Но самымъ важнымъ, воистину великимъ вкладомъ Владиміра, обезсмертившимъ его имя въ исторію, было принятіе имъ христіанства и распространеніе его въ Русь.

Христіанство было извѣстно на Руси еще задолго до крещенія Владиміра. Вскорѣ послѣ основанія Русскаго государства къ нашимъ князьямъ во множествѣ стали приходить варяги. Царьграда ихъ соплеменники варяги. Во время своего нахожденія на службѣ у греческихъ императоровъ, они, если не въ большинствѣ, то въ значительномъ числѣ принимали тамъ христіанство. Греческіе писатели (напр. импер. Константинъ Порфирогенетъ) упоминаютъ о цѣлыхъ отрядахъ *русовъ* (варяговъ), служившихъ на греческихъ судахъ, которые составлены были исключительно изъ крещенныхъ. Переходя затѣмъ на службу къ нашимъ князьямъ, эти крещенные варяги — дружинники, естественнымъ образомъ становились насадителями христіанства у насъ на Руси. Въ самомъ стольномъ городѣ Кіевѣ. Подъ 944 годомъ, говоритъ летописецъ князя Игоря съ греками, летописецъ замѣчаетъ, что тогда «многи быша варязи хрестеяни». Изъ текста видно, что эти варяги-христіане составляли только многочисленную, но и вполне организованную общину, такъ какъ имѣли въ Кіевѣ (т. е. приходскую, въ отличіе отъ домовыхъ) церковь св. Ильи, а, слѣд., и достаточное количество священниковъ. Живаесть вниманія еще одна черта, отмѣченная летописцемъ Игоря: въ немъ различаются *крещенная* и *некрещенная* Русь — причѣмъ первой усвоивается главная, русская мораль въ веденіи дѣла съ греками: «мы же, елико на себѣ имеемы, кляхомся церковію..., а некрещенная Русь того»

и мечи своя наги и прочая оружьи!». Ясно, такимъ образомъ и самъ князь Игорь былъ на сторонѣ христіан- ской Руси и—значить—по крайней мѣрѣ въ душѣ былъ христіанству, или, какъ выразился проф. Е. Смирновъ, былъ внутреннимъ христіаниномъ; иначе хри- стіанство бы при немъ столь явнаго и рѣшительнаго успѣха имѣло надъ язычниками въ дѣлахъ политическихъ.

Связь съ византійскимъ христіанствомъ въ древней Руси, впрочемъ, и инымъ, такъ сказать, возвратнымъ путемъ, въ Царьградѣ весьма часто и во множествѣ ходили и по дѣламъ политическимъ и торговые люди по торговымъ дѣламъ. И тѣ, и другіе были предме- томъ вниманія со стороны византійскаго правитель- ства. Въ разговорѣ о приѣмѣ византійскимъ императоромъ Константина VII Олега въ 911 году, лѣтописецъ пишетъ: «и къ нимъ мужи своя показати имъ церковную утварь, шпаты золота и въ нихъ сущее богатство..., и шпаты, и вѣнецъ и гвоздіе, и хламиду багряную, и шпаты, учаще я къ вѣрѣ своей! Ясно, что греки въ каждомъ удобномъ случаѣ, чтобы познако- мить ихъ съ своею вѣрою, особенно же съ своимъ цер- ковнымъ имуществомъ и великолѣпіемъ; а недостатка въ та- кихъ вещахъ, при тогдашнихъ оживленныхъ торговыхъ и сношеніяхъ Кіева съ Царьградомъ, конечно, не

было. Сказаннаго легко понять, кто былъ виновникомъ обращенія кн. Игоря къ христіанству. Необходимо должно думать, что находившіеся близъ великихъ князей христіане стали первыми проповѣдниками предъ ними христіанскаго ученія. Это, несомнѣнно, они расположили въ Царьградѣ кн. Игоря, а по смерти его—къ принятію христіанства супругу, кн. Ольгу (въ 957 г.).

Въ своемъ сочувствіи христіанству, кн. Игорь не только не открыто оставилъ вѣру своихъ отцовъ и предковъ, но, какъ можно предполагать, потому, что сознаніемъ непрочности своего положенія на престолѣ и, следовательно, опасаясь перемѣною вѣры возбудить недоволь-

ство въ языческой массѣ своего народа. По всей вѣ-
тѣ же самые мотивы побудили и супруга его, кн. Ст
го откладывать свое крещеніе, а затѣмъ внушили
принять крещеніе далеко за предѣлами отечества,
удалившись отъ дѣлъ правленія въ частную жизнь
женій сыномъ ея Святославомъ совершеннолѣтія
шиласть предпринять далекую поѣздку въ Царьг
тамъ принять св. крещеніе и собственными глазами
его прославленные святыни и ту чудную *Софію*, въ
куполамъ и кресту которой, какъ къ нѣкому куд
сѣтителному маяку, давно уже были обращены
взоры не одной нашей Руси.

Говоря о кончинѣ Ольги, лѣтописецъ замѣчаетъ
была для Русской земли какъ бы зарей, предвѣща
ходъ солнца. Взошло это солнце въ лицѣ внука е
диміра.

Извѣстно, какъ усердно старалась кн. Ольга
своего сына кн. Святослава къ крещенію, но успѣ
ла вслѣдствіе явно антихристіанскаго характера
Иное дѣйствіе должны были имѣть ея наставленія
примѣръ на малолѣтнихъ внуковъ ея, которыхъ
воспитательницею. Младшій изъ нихъ, Владиміръ,
подъ ея воспитательнымъ воздѣйствіемъ по крайне
10—11 лѣтъ (скончалась въ 969 г.). На Ярополкѣ
го воспитанія сказалось въ томъ, что онъ во в
правленія, какъ говоритъ лѣтописецъ, «далъ во
христіанамъ»,—за что былъ нелюбимъ язычникамъ
жертвою этой ненависти. Вліяніе бабки на Владимі
но, не могло быть инымъ. Во всякомъ случаѣ совер
пустима мысль о томъ, чтобы такая бабка упусти
или не сочла нужнымъ ознакомить своего внука ст
ею новою вѣрою.

Съ 970 и до 978 года Владиміръ прожилъ въ
Очень часто высказывается предположеніе, что въ
вся придворная знать особенно крѣпко стояла тог
исконную отеческую вѣру и что эта знать успѣла ст
го князя фанатическимъ приверженцемъ язычества

предположеніе-не болѣе, какъ чистое гаданіе, въ подтвержденіе котораго никакихъ основаній обыкновенно не приводится. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но, вступая изъ Новгорода въ Кіевъ на княженіе, Владиміръ, уже взрослымъ и сознательнымъ человѣкомъ (ему было тогда приблизительно 20 лѣтъ), снова вступалъ въ сферу непосредственнаго и ничѣмъ не стѣняемаго вліянія христіанства. Въ высшихъ придворныхъ кругахъ Кіева, среди «нарочитой чади» (знати), особенно среди княжеской дружины, христіанство со временъ Игоря успѣло упрочиться еще болѣе. Вполнѣ естественно, что самымъ завѣтнымъ желаніемъ этого избраннаго кружка было—сдѣлать юнаго великаго князя своимъ по вѣрѣ. Это желаніе побуждало крещенную Кіевскую аристократію тѣснѣе смыкать свои ряды вокругъ особы князя и создавало вокругъ него ту духовную атмосферу, которая, такъ сказать, насыщена была задушевыми бесѣдами объ *истинной вѣрѣ*, разказами о сказочномъ Царьградѣ, о его богатствахъ и святыняхъ, о дивной *красотѣ церковной*. Въ глубинѣ души князя, подъ вліяніемъ такихъ бесѣдъ, невольно оживили раннія впечатлѣнія дѣтства, и въ центрѣ ихъ—величавый образъ бабки, «мудрѣйшей всѣхъ»,—вспоминались—ея крещеніе въ Царьградѣ и искреннее благочестіе, ея завѣты и деннонощныя молитвы, о которыхъ съ благоговѣйною благодарностью воспоминаетъ лѣтописецъ,—молитвы о томъ, чтобы далъ Богъ познать вѣру истинную какъ ея княжескому роду, такъ и всему народу русскому.

Вмѣстѣ съ тѣмъ первыя живыя впечатлѣнія отъ христіанства Владиміръ сталъ воспринимать и въ кругу своей собственной семьи. Вскорѣ по вступленіи на престолъ онъ беретъ себѣ въ жены христіанокъ: изъ пяти законныхъ женъ Владиміра, называемыхъ лѣтописцевъ (подъ 980 годомъ), четыре были христіанки: гречанка, двѣ чехини и болгарка. Ища себѣ въ жены именно христіанокъ, Владиміръ, очевидно, самъ шелъ навстрѣчу христіанству, самъ искалъ сближенія съ нимъ. Такіе браки имѣли рѣшающее значеніе въ дѣлѣ обращенія въ христіанство государей и затѣмъ цѣлыхъ странъ, какъ показываетъ, напр., исторія христіанства въ Польшѣ (Мечиславъ и Домбровка), во Франціи (Хлодвигъ и Клотильда) и друг.

Относительно ближайшихъ обстоятельствъ принятія кн. Владиміромъ христіанства наша начальная лѣтопись сообщаетъ слѣдующее.

Объ охлажденіи князя къ отеческой вѣрѣ и о намѣреніи его совсѣмъ оставить ее освѣдомились сосѣдніе народы, и вотъ съ 986 года начинаютъ приходить къ нему послы изъ разныхъ странъ, каждый съ предложеніемъ своей вѣры. Приходили послы отъ магометанъ—болгарь, отъ хозарь іудейской вѣры и отъ христіанъ—нѣмцевъ, но успѣха у князя не имѣли. Послѣ всѣхъ пришелъ къ нему греческій философъ. Въ пространной рѣчи онъ ознакомилъ князя съ исторіею и сущностью христіанской вѣры и въ заключеніе показалъ ему полотно, на которомъ была написана картина страшнаго суда. Владиміръ вздохнулъ и сказалъ «добро симъ одесную, горе же симъ ошуюю». Философъ на это отвѣтилъ: «если хочешь стать съ праведниками, то крестись». Владиміръ, положивъ на сердце слова его, сказалъ: «подожду и еще мало».

Въ слѣдующемъ 987 году Владиміръ созвалъ своихъ боярь и городскихъ старцевъ и, по совѣту ихъ, послалъ 10 добрыхъ смышленныхъ людей въ тѣ страны, откуда приходили проповѣдники, съ цѣлью «испытать службу каждаго изъ нихъ, какъ служатъ Богу». Послы Владиміра, побывавъ у болгарь, нѣмцевъ и, наконецъ, у грековъ въ Константинополѣ, гдѣ присутствовали при торжественной службѣ патріарха въ храмѣ Св. Софіи, возвратились на родину и рассказали князю съ боярами, что въ службѣ болгарь «нѣсть веселья, но печаль и смрадъ великъ», что у нѣмцевъ они красоты не видали никакой, но что, когда были въ храмѣ у грековъ, то не знали, на небѣ они были или на землѣ, ибо на землѣ нельзя видѣть такого зрѣлища и такой красоты. Выслушавъ пословъ, бояре и старцы замѣтили Владиміру: «аще бы лихъ (худъ) законъ греческій, не бы баба твоя пріяла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человекъ». Тогда Владиміръ спросилъ боярь: «гдѣ крещеніе примемъ?». Бояре сказали: «гдѣ ти любо».

Послѣ столь категорическаго рѣшенія Владиміръ однако снова медлилъ приступить къ окончательному шагу. Повидимому, онъ руководился соображеніями той же политической предосторожности, примѣръ который онъ видѣлъ въ лицѣ своего дѣда Игоря и бабки св. Ольги. Правда, онъ долженъ былъ чувствовать себя на Кіевскомъ престолѣ несравненно прочнѣе дѣда. Его многочисленные и удачные походы приобрѣли ему прочную симпатію народа, а равно и уваженіе къ его силѣ и власти. Помимо ратныхъ дѣлъ, онъ широко прославился также добрымъ смысломъ и правдою, съ какими управлялъ своею землею, и тою неслыханною ласкою, щедростью и общительностью, какими русскій народъ былъ, судя по былинамъ, какъ бы очарованъ. Тѣмъ не менѣе были событія, которыя въ глазахъ князя должны были приобрести значеніе грознаго предупрежденія. Онъ не могъ забыть, что братъ его Ярополкъ былъ нелюбимъ за симпатію его къ христіанамъ и своею трагическою кончиною въ значительной степени былъ обязанъ именно этой народной нелюбви. Онъ живо помнилъ также, какъ не далѣе 5 лѣтъ передъ тѣмъ (въ 983 году) языческая чернь свою ненависть къ христіанству выразила фанатическимъ взрывомъ противъ христіанъ—варяговъ, учинивъ, на его глазахъ и вопреки его волѣ, кровавую расправу съ нашими первыми мучениками Феодоромъ и Іоанномъ. Все это невольно заставляло Владиміра, на пути къ христіанству строго обдумывать и рассчитывать каждый свой шагъ. И правы наши историки, когда, сравнивая между собою двухъ русскихъ государственныхъ геніевъ, князя Владиміра и императора Петра I, отдають предпочтеніе первому, т. е. Владиміру, въ политическомъ тактѣ и благородіи, а второму—въ геніальности. Быть можетъ благодаря только этому несравненному политическому такту кн. Владиміра, водвореніе у насъ христіанства происходило въ общемъ самымъ мирнымъ образомъ,—безъ большихъ народныхъ волненій и междоусобнаго кровопролитія,—этихъ обычныхъ спутниковъ насажденія христіанства у другихъ народовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Исходя изъ этого благодатнаго настроенія, стяжалъ Святитель Христовъ «смирениемъ высокая и нищетою богатая». Эта же сила привела его и къ неисчислимымъ чудесамъ на морѣ и сушѣ, и въ душахъ человѣческихъ, и даже въ царствѣ самаго ада ³⁾. Какъ первозданному человѣку до грѣха его Божіимъ изволеніемъ подчинена была вся природа; такъ и Святителю Христову Николаю, при его благодатномъ свѣтѣ въ душѣ, покоренъ весь міръ, оставаясь такимъ предъ величіемъ силы его доселѣ.

Можемъ ли, бр., сомнѣваться, что лучи райскаго блаженства и освященія отъ души Святителя Николая по вѣрѣ нашей простираются и на насъ? Но болѣе всего утѣшительно для насъ упованіе, что соименный Святителю Христову Благочестивѣйшій Государь нашъ чрезъ самое имя пріемлетъ отъ него же благодатное озареніе къ несенію великаго Царственнаго подвига, и особенно въ нынѣшніе скорбные дни. Н не здѣсь ли заключается объясненіе того, что сердце Возлюбленнаго Царя нашего глубоко преисполнено мира, и только дерзость враговъ и ихъ постоянная угроза братскому единенію народовъ вынудили Его обнажить мечъ и вывести воиновъ своихъ на безпримѣрный въ исторіи человѣчества по своей жестокости бой?

—Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ: Богъ Израилевъ, Той дасть силу и державу людямъ Своимъ. Благословенъ Богъ (Псал. XVII, 36)! Аминь.

Протоіерей Петръ Успенскій.

Св. равноапостольный князь Владиміръ *).

(Къ 900-лѣтію со дня его кончины (1015 г.—15 іюля—1915 г.).

(Оковчаніе).

Въ слѣдующемъ 988 году Владиміръ предпринялъ походъ на греческій городъ Корсунь, или Херсонесъ, находившійся въ Крыму (близъ нынѣшняго Севастополя). Этотъ походъ, по своимъ мотивамъ и цѣли, представляетъ трудно раз-

³⁾ «Радуйся въ адскую бездну сатану ввергаай»—читаемъ въ священномъ акаѣистѣ.

рѣшимую загадку для историковъ. Наиболѣе удачнымъ рѣшеніемъ этой исторической загадки мы находимъ слѣдующее.

Греческіе и арабскіе писатели отмѣчаютъ одно важное событіе изъ жизни Владиміра, которое, очевидно, осталось неизвѣстнымъ нашимъ русскимъ повѣствователямъ. Въ Византіи нѣкто Варда Фока 14 сентября 987 года провозгласилъ себя царемъ, затѣмъ овладѣлъ страню грековъ до Дорилей и берега моря и дошелъ до Хрисополя. «И стало опаснымъ дѣло его, и былъ имъ озабоченъ царь Василій по причинѣ силы его Варды войскъ и побѣды его надъ нимъ. И истощились богатства царя, и побудила его нужда послать къ царю русовъ,—а они его враги,—чтобы просить ихъ помочь ему. И тотъ согласился на это. И заключили они между собою договоръ о свойствахъ—женитьбѣ царя русовъ на сестрѣ царя Василя, послѣ того какъ послѣдній поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ. И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска русовъ и соединились съ войсками грековъ, и отправились все вмѣстѣ моремъ и сушею въ Хризополь. И побѣдили они Фоку». Въ «Похвалѣ кн. Владиміру»—монаха Іакова можно находить довольно смутное упоминаніе, очевидно, объ этомъ южномъ походѣ Владиміра въ словахъ: Владиміръ (въ 988 г.) «къ порогому ходи... и на казары шедъ побѣди, и дань на нихъ положи. Умысли же и на греческій градъ Корсунь...» и т. д. Сопоставляя между собою это указаніе Іакова и вышеприведенный разсказъ о походѣ русскихъ подъ Царыградъ, мы получаемъ слѣдующій, совершенно правдоподобный, выводъ относительно причинъ и цѣли похода на г. Корсунь.

Въ сентябрѣ 987 г. вспыхнулъ бунтъ Варды. Когда первая попытка императора Василя подавить это возстаніе собственными силами не удалась, онъ послалъ къ кн. Владиміру пословъ просить его о помощи. Послы могли прибыть въ Кіевъ въ концѣ 987 или въ началѣ 988 года. Такъ какъ богатства у царя *истощились*, то онъ за эту помощь предложилъ Владиміру породниться съ нимъ, женившись на сестрѣ его, царевнѣ Аннѣ, но подъ условіемъ, чтобы князь предварительно кре-

стился самъ и далъ обѣщаніе впослѣдствіи крестить и весь народъ свой. Владиміръ согласился помочь императору на этихъ условіяхъ. Въ навигацію 988 года съ большимъ флотомъ и многочисленнымъ войскомъ онъ отправился къ Днѣпровскимъ порогамъ и отсюда, выдѣливъ особый, вспомогательный отрядъ для греческаго императора, онъ самъ отправился на хозарь, очевидно, угрожавшихъ нашимъ при-азовскимъ колоніямъ, и былъ въ Крыму, какъ говоритъ объ этомъ житіе св. Стефана, архіепископа Сурожскаго. Здѣсь, послѣ побѣды надъ хозарами, Владиміръ ожидалъ вѣстей изъ греціи. Фока былъ побѣжденъ, русскій отрядъ и флотъ были отсланы и прибыли къ крымскимъ берегамъ, гдѣ ожидалъ ихъ Владиміръ. Однако исполненіемъ своего обязательства относительно брака князя императоръ, повидимому, медлилъ. Можно думать, что виновницею этого замедленія была отчасти сама царица Анна, о которой лѣтописецъ прямо пишетъ: «она же не хотѣше идти: «яко въ полонъ, рече, иду; лучи бо ми здѣ умрети». Заподозрѣвъ неладное, Владиміръ рѣшилъ силою заставить императора исполнить то, что онъ не хотѣлъ сдѣлать добровольно. Онъ пошелъ на греческій г. Корсунъ, послѣ долгой и трудной осады взялъ его и затѣмъ, «не ропуская полковъ, по показанію одного русскаго памятника («Торжественникъ» конца XV в.), посла Олга воеводу съ Ждѣберномъ въ Царьградъ къ царемъ просити за себе сестры ихъ», утражая, въ противномъ случаѣ, взять и самый Царьградъ. Императоры прислали отвѣтъ: «нѣтъ у насъ обычая отдавать христіанокъ въ замужество некрещенымъ. Но если ты крестишься, то получишь царевну, приобрѣтешь и царство небесное, и будешь единовѣренъ намъ». Владиміръ послать сказать императорамъ: «пусть съ царевною придутъ священники и крестятъ меня». Когда царица Анна прибыла въ Корсунъ, Владиміръ сильно разболѣлся и, наконецъ, ослѣпъ. Царица убѣдила его немедленно креститься, увѣряя, что черезъ это онъ исцѣлится отъ болѣзни. Въ соборной церкви Св. Софіи корсунскій епископъ торжественно совершилъ крещеніе князя, назвавъ его Василиемъ. При этомъ, когда епископъ возложилъ на него руку, чтобы погрузить крещаемого во святую воду, князь прозрѣлъ и въ великой радости

прославиль Бога, воскликнувъ: «теперь я увидѣлъ Бога истиннаго!» Видя такое чудо, крестились многіе изъ дружины его.

Принявъ вѣру истинную, Владиміръ, естественно, долженъ былъ воодушевиться желаніемъ дать ту же вѣру и своему народу. Помимо чисто религіознаго побужденія, въ этомъ рѣшеніи принимали несомнѣнное участіе и мотивы государственныя. Русь въ то время находилась въ самомъ тѣсномъ и живомъ общеніи съ сосѣдними европейскими народами. Всѣ эти народы, за исключеніемъ только насъ да еще венгровъ, были уже христіанскими народами и начали жить тою гражданскою жизнью, которая такъ замѣтно возвышала ихъ надъ народами языческими и рѣшительно отдѣляла ихъ отъ послѣднихъ, какъ особый нравственный міръ. Чтобы войти въ этотъ міръ, чтобы вступить въ семью европейскихъ народовъ въ качествѣ равноправнаго члена ея, и намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ слѣдовать примѣру другихъ и стать христіанами. Какъ человѣкъ истинно государственнаго ума, съ отличающею великихъ людей способностью угадывать требованія времени, Владиміръ понялъ настоятельную необходимость для Россіи стать страной христіанскою, и потому не только самъ принялъ христіанство, но рѣшился сдѣлать его вѣрою и всего народа русскаго. Навстрѣчу этому весьма кстати пришло неожиданное предложеніе византійскаго императора, взывавшаго о помощи.

Обвѣнчавшись съ царевной и возвративши въ качествѣ вѣна за ней византійскимъ императорамъ взятый имъ городъ Корсунь, Владиміръ прибылъ въ Кіевъ и тотчасъ повелѣлъ уничтожить языческихъ идоловъ, «овы осѣчи (изрубить), другія огневи предати». Затѣмъ Владиміръ сталъ готовить народъ къ крещенію. Священники, прибывшіе съ нимъ изъ Корсуни, вмѣстѣ съ священниками, какіе уже были въ Кіевѣ со времени Игоря и Ольги, наставляли народъ въ истинахъ св. вѣры. Въ этомъ усердно помогали имъ тѣ бояре, княжескіе дружинники и старцы, которые были въ одной думѣ и вѣрѣ съ княземъ. Самъ Владиміръ являлся въ народъ и своимъ княжескимъ словомъ училъ и вразумлялъ его. Наконецъ, онъ назначилъ день общаго крещенія кіевлянъ и наканунѣ разо-

слать по всему городу вѣстниковъ съ такимъ наказомъ: «аще не обрящется кто на рѣцѣ, богатъ ли, или убогъ, нищъ ли, или работникъ, противенъ мнѣ да будетъ». Одни, принявшіе христіанскую проповѣдь съ вѣрою, съ радостью отозвались на этотъ призывъ, другіе, менѣе подготовленные и еще колеблющеіся въ выборѣ между старою и новою вѣрою, предпочитали своему сужденію сужденіе высшихъ и покорно шли креститься, успокаивая себя такимъ соображеніемъ: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре пріяли». Третьи, наконецъ, шли только потому, что боялись послушаться властнаго приказа любимаго князя.

Корсунскій походъ съ его ближайшими послѣдствіями произвелъ, очевидно, большую перемѣну въ настроеніи Владиміра, положилъ конецъ его колебаніямъ предъ рѣшительными мѣрами къ водворенію христіанства въ Русской землѣ. Онъ возвращался изъ похода въ ослѣпительномъ для современниковъ ореолѣ побѣдителя и вмѣстѣ зятя императора византійскаго. Ему сопутствовала большая боевая рать, которая не только успѣла помириться съ фактомъ крещенія князя, но была искренно предана ему, какъ своему любимому и побѣдоносному вождю. Прежнему опасенію эксцессовъ народнаго недовольства теперь уже не было болѣе мѣста. Только при такихъ обстоятельствахъ народная масса могла безъ рѣзкаго протеста отказаться отъ своихъ исконныхъ вѣрованій въ пользу мало извѣстныхъ ей новыхъ, находя успокоеніе своей совѣсти въ примѣрѣ князя и бояръ.

Насталъ великій день всенароднаго крещенія кіевлянъ. Съ ранняго утра безчисленныя толпы народа спѣшили на берегъ Днѣпра—туда, гдѣ сливалась съ нимъ рѣка Почайна. Сюда же прибыли: многочисленный сонмъ духовенства и самъ князь съ молодою супругою, дѣтьми и боярами, ранѣе принявшими крещеніе. На особо устроенномъ мѣстѣ у берега возвышался св. крестъ; въ разныхъ мѣстахъ по берегу стояли священники и читали положенныя молитвы. Народныя толпы, отдѣльными громадами, стояли въ водѣ, особо мужчины и особливо женщины; подростки стояли у берега, взрослые глубже, кто до шеи, кто по грудь, кто до пояса; отцы и матери держали

на рукахъ малыхъ дѣтей, старцевъ поддерживали болѣе молодые. Но вотъ, по данному знаку, народная масса трижды погрузилась въ священную воду,—и широкій свѣтлый Днѣпръ сталъ русскимъ Иорданомъ—священною купелью новой, возрожденной Руси... «И ликовали тогда,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—небо и земля, видя множество спасаемыхъ». А самая большая и высшая радость выпала тогда на долю главнаго виновника этого исключительнаго торжества. Въ неописуемомъ восторгѣ, поднявъ очи и руки къ нему, Владиміръ молился за новыхъ христанъ: «Боже великій, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія, даждь имъ увѣдѣти Тебе, Истиннаго Бога, якоже увѣдѣша другія христіанскія страны»...

Послѣ сего Владиміръ, по словамъ лѣтописца, повелѣлъ «рубити (строить) церкви» и ставить ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли низверженные идолы. «И нача ставити по градомъ церкви и поны, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ». Это составляло главный предметъ заботъ и всей дѣятельности Владиміра за послѣдніе 25 лѣтъ его правленія. За это время онъ успѣлъ крестить почти все чисто-славянское населеніе Руси. Некрещенными при немъ остались инородческія (финскія) племена, а изъ славянскихъ—только радимичи и вятичи.

Большая часть населенія принимала христіанство безъ сопротивленія; однако въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Новгородѣ, княжескимъ воеводамъ, вводившимъ новую вѣру, приходилось прибѣгать даже къ оружію. Объ этомъ говоритъ сохранившаяся пословица: «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня—огнемъ».

Кн. Владиміръ сдѣлалъ все, что представлялось возможнымъ, для общаго крещенія Руси и полнаго водворенія въ ней христіанства. Но это водвореніе не должно быть понимаемо, какъ внутреннее и совершенное, а по преимуществу, какъ внѣшнее и болѣе или менѣе поверхностное, ибо на первыхъ порахъ по самому существу дѣла, оно и не могло быть инымъ. Прежнія языческія вѣрованія продолжали жить на Руси наряду съ христіанскими, образуя такъ называемое двоевѣріе, или же переходя въ область суевѣрій.

Конечно, отдѣльные лица могли представлять собою въ этомъ отношеніи счастливыя исключенія, и къ числу послѣднихъ необходимо отнести, прежде всего, самого кн. Владиміра.

Заканчивая свою повѣсть о крещеніи Руси, лѣтописецъ кратко замѣчаетъ: «посемъ же Болодимеръ живяше въ законѣ хрестыанствѣ» и далѣе подробно говоритъ о дѣлахъ его милосердія. Митр. Иларіонъ характеризуетъ Владиміра-христіанина такими чертами: онъ «былъ облаченъ правдою, препоясанъ крѣпностію, вѣнчанъ смысломъ, и украшенъ милостию, какъ гривною и утварью златою». А вотъ два историческихъ факта, которыя вводятъ насъ въ кругъ первоначальныхъ христіанскихъ понятій князя. Одно время увеличилось при немъ число разбойниковъ, и вотъ епископы сказали князю: «почто не казниши ихъ?» и указали на то, что христіанское законодательство не запрещаетъ казни преступниковъ. А онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: «боюсь грѣха». Это значитъ, что христіанство для него было не простою формою или инструкціей внѣшняго благоповеденія, а успѣло уже перейти въ актъ его воли, овладѣть всѣмъ существомъ его,—что неизбѣжно должно было отразиться на всѣхъ его мысляхъ и дѣйствіяхъ. Это же проникновеніе духомъ христіанства побудило его прекратить широко практиковавшуюся когда-то на Руси торговлю невольниками, которая составляла крупнѣйшую статью личныхъ доходовъ князя. Кромѣ того, онъ первый сталъ отпускать на волю своихъ рабовъ; часто случалось, что и чужихъ рабовъ и плѣнниковъ выкупалъ онъ, чтобы затѣмъ дать имъ свободу. Словомъ, Владиміръ былъ первымъ нашимъ государемъ—освободителемъ....

Но болѣе всего и съ полнымъ единодушіемъ наши историческіе памятники восхваляютъ милосердіе кн. Владиміра. По природѣ своей Владиміръ принадлежалъ къ числу тѣхъ исключительно щедрыхъ и гуманныхъ натуръ, для которыхъ весь смыслъ жизни и собственное счастье въ томъ, чтобы сѣять всѣмъ и всюду ласку, радость и довольство, и для которыхъ на этомъ пути какъ будто нѣтъ непосильныхъ жертвъ, не существуетъ слова: «довольно»! Когда Владиміръ сдѣлался христіаниномъ, то природная доброта его выразилась въ

христіанской добродѣтели безграничнаго милосердія къ нищимъ и убогимъ. Онъ «повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу—питье и ядене и отъ скотницъ купати» (отъ ключницъ деньгами). Дѣлалъ онъ и такъ: немощные и больные,—говорилъ онъ,— «не могутъ долѣсти двора моего», и приказалъ устроить особыя телѣги, на которыя «вскладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овоць разноличный, медъ въ бчелкахъ (бочкахъ), а въ другихъ квась», и возить все это по городу, спрашивая: «гдѣ есть больной или немощной, немогущій придти ко мнѣ»? И кто находился, тому и давали все нужное. Милостыню онъ творилъ не въ Кіевѣ только, но и по всей землѣ Русской, какъ въ городахъ, такъ и селахъ. Въ дни особенныхъ празднествъ нищимъ, кромѣ пищи, раздавались и огромныя по тогдашнему времени деньги—до 300 и болѣе гривенъ.

Кн. Владиміръ былъ не только крестителемъ, но и просвѣтителемъ Руси. Начало просвѣщенію русскому народу положено было вскорѣ послѣ прибытія его изъ Корсуна, когда онъ велѣлъ отбирать у «нарочитыя чади (знатныхъ людей) молодыя дѣти» и отдавать ихъ «на ученіе книжное» приведеннымъ имъ съ собою учителямъ. Эти «молодыя дѣти», отданныя учиться грамотѣ, были вашими, гг. воспитанники, предшественниками, первыми питомцами духовно-учебныхъ заведеній и первыми учеными въ Русской землѣ, ибо лѣтопись (Никоновская) прямо замѣчаетъ о нихъ: «и навыкаху скоро бо Божію строю, и бысть отъ сихъ множество мудрыхъ философовъ». Эти *мудрые философы* стали потомъ русскими пастырями и учителями, какими современемъ будутъ и многіе изъ васъ.

Св. кн. Владиміръ скончался далеко не въ преклонной старости, лѣтъ 57-8, 15-го іюля 1015 года въ селѣ Берестовѣ. Затѣмъ тѣло его было перевезено въ Кіевъ и поставлено въ построенной имъ Десятинной церкви. Погребенъ онъ былъ въ той же церкви, въ придѣлѣ св. Климента, гдѣ мраморный гробъ его былъ поставленъ рядомъ съ такимъ же гробомъ ранѣе его умершей супруги его, царевны Анны. Мощи его оставались въ землѣ до первой половины XVII вѣка, когда

кіевскій митрополитъ Петръ Могила, возобновляя Десятинную церковь, нашель подь развалинами ея гробъ Владиміра и вынулъ изъ него сохранившіеся останки. Изъ этихъ останковъ въ настоящее время—глава находится въ великой церкви Печерскаго монастыря, ручная кость—въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, часть главы—въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ.

Къ лику святыхъ вел. кн. Владиміръ былъ причисленъ сравнительно очень поздно, а именно около 1240 года, при вел. кн. Александрѣ Невскомъ. Причиною столь поздней канонизаціи послужили, по мнѣнію проф. Голубинскаго, веселые ширь князя, т. е., тотъ, такъ сказать, мірской по внѣшности, жизнерадостный характеръ его святости, который такъ мало походилъ на принесенный къ намъ тогда греками односторонній чисто-аскетическій идеаль праведности, полагаемой исключительно въ полномъ отреченіи отъ міра и его радостей и въ такъ называемомъ умерщвленіи плоти. Съ точки зрѣнія подобной праведности такіе упреки, какъ: «ядца и пійца», столь знакомые намъ по Евангельской исторіи, должны были смущать и самыхъ усердныхъ почитателей св. князя. При такихъ обстоятельствахъ кн. Владиміръ могъ быть признанъ святымъ лишь тогда, когда живая память о его *почетныхъ* пирахъ и *веселыхъ* столованьяхъ, наконецъ, совсѣмъ исчезла, сохранившись только въ былинахъ народныхъ, и когда въ представленіи народномъ онъ остался только крестителемъ Руси.

Благодарная память народная почтила св. равноапостольнаго кн. Владиміра исключительнымъ наименованіемъ: *красное солнышко*. Еще младенецъ въ вѣрѣ, когда слагалъ свои былинны, народъ нашъ не могъ достаточно уразумѣть того духовнаго свѣта, который это солнышко принесло землѣ русской, но гадать о существѣ его, не столько разсудкомъ, сколько, быть можетъ, чувствомъ или непосредственнымъ сознаніемъ постигалъ его неземной характеръ и ту огромную перемену, какую вносилъ онъ въ душу народную, и потому тогда же стадалъ не только для князя-крестителя своего, но и для всей крещенной имъ земли своей не менѣе прекрасное наименованіе: *земля свято-русская*. Крестивъ Русь, св. кн. Владиміръ первый ввелъ въ

Русское государство и въ душу народа христіанство, какъ всеосвящающую и всеусовершенствующую силу духовнаго просвѣщенія и культурнаго творчества. Съ того времени начинается постепенное освященіе Руси, т. е. повсюдное исчезновеніе прежняго *поганства* или языческой нечистоты, и та христіанизация русскаго народа и государства, которая, въ своемъ поступательномъ историческомъ ходѣ, простирается до нашихъ дней, будетъ простираться, несомнѣнно, и далѣе въ роды родовъ *).

Протоіерей **Алексѣй Поспѣловъ.**

Изъ прошлаго Тамбовской епархіи.

XVI.

Краткая замѣтка объ исчезнувшемъ народѣ Буртасахъ.

Къ числу племенъ-инородцевъ, населявшихъ территорію нашей Тамбовской окраины, принадлежитъ небольшой народецъ-Буртасы. Обрусѣвъ до неузнаваемости, племя это уже болѣе двухъ-сотъ лѣтъ тому назадъ сошло съ исторической сцены въ качествѣ особаго народа. Въ настоящей краткой замѣткѣ объ этихъ инородцахъ мы можемъ указать только о мѣстѣ обитанія ихъ и, отчасти, о времени упоминанія о нихъ въ нашихъ отечественныхъ историческихъ актахъ.

Юговосточная граница Московскаго государства съ начала XVI-го вѣка проходила по сѣвернымъ предѣламъ нынѣшнихъ губерній Пензенской и Тамбовской. Эти пограничныя владѣнія были извѣстны подъ общимъ названіемъ «Мещеры». Исконнымъ населеніемъ Мещеры были финскія племена: Мордва по Мокшѣ, Мещера по Цнѣ и къ востоку отъ нея и немногочисленный народецъ Буртасы по р. Буртасу и по верховьямъ рѣкъ Вада и Выши. Значитъ, послѣдніе жили исключительно

*) При составленіи настоящаго чтенія авторъ пользовался главнымъ образомъ слѣдующими трудами: «Исторія Русской Церкви», I-й полутомъ, проф. Е. Голубинскаго, «Владиміръ святой, какъ политическій дѣятель», проф. В. Завитневича, «О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ» (статья въ «Трудахъ Кіевской Дух. Академіи за 1888 г., № 1) — его же, «Житіе св. равноап. кн. Владиміра» — проф. И Малышевскаго.